

© 2019 г.

М. А. ЮСИМ

АБСОЛЮТИЗМ И ВОЛЬНОСТЬ. РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ «ГОСУДАРЯ» МАКИАВЕЛЛИ И «АНТИМАКИАВЕЛЛИ» ФРИДРИХА ВТОРОГО

*Юсим Марк Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00212.

DOI: 10.31857/S013038640004823-3

Склонность с нашим существом толико нераздельна, сколь и то побуждение, которое ощущаем мы к вольности... Ибо поелику мы без цепи рождены бываем, то сего ради желаем жить в свете без принуждения. Сей то есть самой тот дух независимости и великодушия, которой столь много великих произвел на свет мужей, и к республиканским подал повод правлениям, кои некоторой образ равенства ввели между людьми и их поближе совокупили с состоянием естества¹.

Фридрих II

«Антимакиавелли» Фридриха II Прусского (1740 г.) считается одним из самых ярких произведений, направленных против «макиавеллизма». Здесь будущий прусский монарх, писавший этот труд при содействии Вольтера, защищает ценности Просвещения. Макиавелли в данном случае является его мишенью как наставник тиранов и разрушитель морали. Однако читатели очень рано отметили односторонность и поверхностность критики Фридриха, а также то, что взойдя на престол, он действовал в полном противоречии с ней². Даже Вольтер позднее говорил: «Если бы какой-то государь был учеником Макиавелли, первое, что тот ему бы посоветовал, так это выступить с его критикой»³. Фридриху ставили в упрек разбойный захват Силезии, инициирование разделов Польши⁴, да и сам он признавал правоту флорентийского секретаря: «Макиавелли говорит, что ведущая себя бескорыстно сила, окруженная амбициозными силами, обречена на гибель. К несчастью, я должен допустить, что Макиавелли прав» (1752 г.)⁵.

При внимательном чтении «Антимакиавелли» становится очевидно, что это сочинение, хотя его издания сопровождалось полным текстом трактата «Государь»,

¹ Анти-Макиавель, или Опыт возражения на Макиавелеву науку о образе государственного правления. Пер. Я. Хорошкевича. СПб., 1779, с. 67.

² См., например: Benoist Ch. Le Machiavélisme et l'Anti-Machiavel. — Revue des Deux Mondes, 6e période, XXXV année, t. 26. Paris, 1915, p. 339–369.

³ Clark R. C. Machiavelli: Bibliographical spectrum. — Review of national literatures, 1970, v. 1, p. 100.

⁴ Benoist Ch. Op. cit., p. 369.

⁵ «Machiavelli sagt, eine selbstlose Macht, die zwischen ehrgeizigen Mächten steht, müsste schließlich zugrunde gehen. Ich muss leider zugeben, dass Machiavelli recht hat». — Die Werke Friedrichs des Großen in deutscher Übersetzung, Bd. 7. Berlin, 1913, S. 161.

далеко от анализа и критики подлинных мыслей Макиавелли, и в большинстве случаев Фридрих, отталкиваясь от содержания «Государя», либо просто соглашается с его автором, либо предается изложению собственных мнений по затронутым предметам. Это также заметил еще Вольтер, который писал в своем издании книги: «Там есть места, являющиеся не столько рассуждениями против Макиавелли, сколько о Макиавелли».⁶

Односторонность критики объясняется несколькими причинами. Во-первых, он исходит из заранее объявленной и предвзятой позиции, что отразилось и на терминологии трактата: «Предприять я защитить человечество от такового супостата, который оное упразднить стремится», «несправедливое и гнусное учение, которое Макиавель дерзнул предложить свету», «учитель тиранов отваживается» и т.п.⁷

Во-вторых, Фридрих демонстрирует недостаточное знание или игнорирование положений Макиавелли, ограничиваясь только текстом «Государя». В частности, по поводу происхождения государств он говорит следующее: «Несвойственно было для Макиавеля сказать также и то, что народы для спокойствия и своего сохранения признали занужно иметь судей для украшения ссор; защитников для утверждения от неприятелей спокойного в их имениях владения; государей для соединения частного с общественным благом, и что они своего ради блаженства в самом еще начале должныствовали избирать из них для своего управления самых премудрейших, справедливейших, дружелюбных и мужественных»⁸. Но по сути эту же мысль проводит Макиавелли в более «республиканском» фундаментальном сочинении «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1519 г.): «Когда кто-либо наносил ущерб своему благодетелю, между людьми возникали ненависть и сострадание, они порицали неблагодарных и почитали тех, кто проявлял признательность. Думая о том, что подобная обида может быть нанесена и им, люди пришли к установлению законов во избежание подобного зла и к назначению наказания для нарушителей, откуда и явилось понятие справедливости. Все это привело к тому, что при избрании государя обращались уже не к самому сильному, а к тому, кто был благоразумней и справедливей»⁹.

Объяснение того, почему возник институт государства, было важно и для Фридриха, и для Макиавелли потому, что оба декларируют принципиальную приверженность политической свободе, но перед ними встает необходимость обосновать ограничения этой свободы с помощью властных учреждений. Прежде всего речь идет о законах, защищающих от произвола правителей, но на практике, особенно при монархической форме правления, гарантии соблюдения законов не существует. Более того, Макиавелли говорит даже о том, что государь должен придерживаться человеческого обычая править по закону, но в случае необходимости употреблять и звериную силу или хитрость, уподобляясь льву либо лисице¹⁰. Но и кронпринц Фридрих не питает излишних иллюзий по поводу единоличной власти. Его комментарии к главе IX «Государя» «О гражданских принципах», где речь идет

⁶ «Il ya quelques endroits, qui son plutôt des reflexions sur Machiavel que contre Machiavel». — Anti-Machiavel, ou essai de critique sur le Prince de Machiavel. Publié par Mr. de Voltaire. A Copenhague, 1740, p. IV.

⁷ Анти-Макиавель, или Опыт возражения..., с. XIX, XXII, 140.

⁸ Там же, с. 2.

⁹ *Machiavelli N. Tutte le opere* (Рассуждения). Firenze, 1971. Перевод автора.

¹⁰ «Итак, вам следует знать, что можно вести борьбу двумя способами: опираясь на закон или с помощью насилия. Первый способ применяется людьми, а второй — дикими животными, но поскольку первого часто бывает недостаточно, требуется прибегать ко второму. Поэтому государь должен уметь подражать и зверю, и человеку.

И раз государю необходимо владеть искусством подражания зверям, он должен избрать из них льва и лисицу, потому что лев не защищен от капканов, а лиса — от волков». — *Макиавелли Н. Государь*, гл. XVIII.

о правителях, получивших власть от своих сограждан, выглядят прямо-таки апологией вольности (см. эпиграф); здесь автор доказывает, что добровольное избрание монарха жителями республики неправдоподобно и маловероятно¹¹. Парадоксальная защита будущим королем республиканской свободы отчасти напоминает ту ситуацию, в которой оказался Макиавелли, когда писал своего «Государя» (*De Principatibus*, 1513–1515): будучи республиканцем, он задался целью давать наставления новым единовластным правителям Флоренции, Медичи. «Государь» был написан на случай, в связи с переменой в правительстве, но оставшись на годы не у дел, флорентийский секретарь изложил свои политические взгляды более полно в «Рассуждениях...» о Тите Ливии. Но именно «Государь» обеспечил ему посмертную и по сей день двусмысленную славу.

Что до Фридриха Прусского, то на заре своей политической карьеры он написал сочинение, вдохновляясь благородными идеями Просвещения и провозгласив, что государь — первый слуга народа. Применить эти идеи на практике оказалось куда сложнее. Прав оказался Макиавелли, который хотел следовать «настоящей, а не воображаемой правде вещей». Как бы то ни было, судьбы двух авторов и их книг исторически переплелись, а потому иной раз трактат прусского монарха, добросовестно воспроизводящий также и текст «Государя», служил не только опровержению, но и распространению взглядов флорентинца. Так случилось и в России, поскольку первым дошедшим до нас переводом «Государя» оказался именно тот, который был включен в рукопись «Антимакиавелли».

* * *

Истории «макиавеллизма» и «антимакиавеллизма» посвящены десятки и сотни статей и книг. Важную часть таких исследований составляет анализ изданий сочинений Макиавелли и их переводов на разные языки. Этот анализ помимо текстологических и филологических аспектов передачи текстов позволяет вскрыть важные историко-политические и историко-культурные ее стороны, дает возможность проанализировать языковую и терминологическую составляющую политологической традиции. В начале 2000-х годов возник международный проект, посвященный этой тематике, в рамках которого был издан в 2008 г. сборник «Первые переводы «Государя» Макиавелли. С XVI до первой половины XIX в.» под редакцией Роберто де Пола¹². В него вошли статьи, рассказывающие о ранних переводах «Государя» Макиавелли на французский, английский, голландский, немецкий, испанский, шведский и арабский языки. При сопоставительной работе над этими текстами выявились ключевые моменты, представляющие основной интерес и преимущественные сложности для перевода, а также особенности рецепции сочинения Макиавелли в разных странах Европы. К сожалению, в указанном сборнике не была

¹¹ Этот тезис особенно отчетливо выражен в концовке главы, которая отсутствует в первом издании «Антимакиавелли», осуществленном Ж. Ван Дюреном, и появляется только во второй, вольтеровской публикации, т.е. он был, вероятно, добавлен Вольтером. В русском переводе Я. Хорошкевича, изданном в 1779 г. и выполненном по вольтеровскому варианту, эта концовка выглядит так: «Законы суть вспомогательным средством болезней наших, кои состоя в руках того, который только волю свою доказать желает, удобно в смертоносный яд обратиться могут. Словом, вольность есть такое благо, которого мы достигаем от природы. Но для чего, скажут республиканцы, должны мы и лишаться оногo? Сколь наказания достойно есть то, чтоб восставать противо государя, законами утвержденного, то толико напротив сего достойно также и то наказания, если кто на республику иго возложить стремится». — Анти-Макиавель, или Опыт возражения..., с. 72–73.

¹² *The First Translations of Machiavelli's Prince. From the Sixteenth to the first Half of the Nineteenth Century*. Ed. by R. De Pol. Amsterdam — New York, 2010.

представлена Россия¹³, а в качестве первого перевода на русский язык указано издание Н. С. Курочкина 1869 г.¹⁴

Между тем, если говорить о рукописной традиции переводов Макиавелли, то ее история в России является одной из самых драматических и насыщенных событиями в сравнении с восприятием Макиавелли и «макиавеллизма» в других странах. В английских трагедиях Шекспира и Марло фигурирует «кровавый Макиавелли», во Франции, Германии и Польше политических противников ругают «макиавеллистами», но за чтение «Государя» не судят. В России дело обстояло иначе. Из показаний на следствии знаменитого «верховника» князя Дмитрия Михайловича Голицына 1737 г., осужденного при Анне Иоанновне, известно, что у того был рукописный перевод сочинения Макиавелли. Голицын говорил, что у него имелись рукописи, которых нельзя печатать «без указа», «книга есть Махамелева, которая взята у покойного генерала Апраксина, тако и другая бакалом (Боккалини. — *М.Ю.*), списанная от Петра Толстого»¹⁵. Что речь идет именно о «Государе», косвенно подтверждается сетованиями В. Н. Татищева по поводу наличия многих «непотребных» переводов на русский язык, в том числе «Махиавеллиева о Князе, ...Бакколинова и тому подобных»¹⁶, а Татищев пользовался библиотекой Голицыных.

История продолжилась после ареста всесильного кабинет-министра той же Анны Иоанновны, А. П. Волынского, обвиненного наряду с прочим в чтении «книги Макиавелевой». Волынский был одним из судей над Голицыным и взял, по его словам, эту книгу из рукописей, конфискованных «Вышним судом», но ее не читал, и забрал еще другую, Боккалини, которую «себе и списал»¹⁷. Роковой для казненного в 1740 г. Волынского стала третья рукописная книга, «Увещения и приклады» Юста Липсия, где критике было подвергнуто женское правление. Ее он «списал от адмирала графа Апраксина» — имеется в виду Федор Матвеевич Апраксин, в то время как упомянутый тремя годами ранее Голицыным «генерал Апраксин» должен был быть его младшим братом Андреем (был еще старший Петр), если в записях нет ошибки. Апраксина не слыли большими книгочеями, и эти упоминания иными сведениями не подкреплены. Других документальных сведений о первом переводе «Государя» на русский язык не сохранилось, но до нас дошел еще один перевод трактата Макиавелли, восходящий к середине XVIII столетия. Он-то и входит в состав рукописного перевода сочинения Фридриха II Прусского «Антимакиавелли», которое было написано им на

¹³ См. мои рецензии на этот сборник: *Юсим М. А.* Первые переводы Макиавелли в Европе. Под ред. Р. де Пола, 2010 г. — Средние века, вып. 72, 2011, № 1, с. 442–449; *Youssim M. A.* Roberto De Pol, ed. The First Translations of Machiavelli's Prince: From the Sixteenth to the First Half of the Nineteenth Century. — *Renaissance Quarterly*, v. 63, 2010, № 4, p. 1350–1351.

¹⁴ *Макиавелли Н.* Рассуждения на первые три книги Государь (Il Principe) и рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869. Это была действительно первая полная публикация трактатов Макиавелли, но одновременно вышел перевод «Государя» с немецкого издания начала XIX в., выполненный Ф. Затлером: *Макиавелли Н.* Монарх. Сочинение Николая Макиавеля. СПб., 1869. См. *Юсим М. А.* Макиавелли в России. Мораль и политика на протяжении пяти столетий. М., 1998. Многие подробности относительно рассматриваемых ниже сюжетов можно найти в этой книге, поэтому здесь я их опускаю.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА), ф. 6, оп. 189, ч. 1, л. 387 об. Ср. *Корсаков Д. А.* Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891, с. 44.

¹⁶ *Татищев В. Н.* История российская, т. 1. М.—Л., 1962, с. 359.

¹⁷ «Книгу Николая Махивелея взял он Волынской себе из бывшего вышняго суда, ис книг князь Дмитрия Голицына для любопытства своего, желая ведать, что в той книге написано, но толко оной книги он Волынской читать времени не изличил, и никогда той книги не читывал, ...и то он Волынской говорил, что о той книге не памяти у него Волынского вышло, понеже по взятые оной книги ничего в ней он не читал. Да он же Волынской из онаго бывшего вышняго суда ис книг же Дмитрия Голицына взял себе книгу Бакалиниеву под именем Ведомостей Парнаасских, для чтения и списывания себе, с которой себе и списал, а взятую отдал оной Волынской в кабинет секретарю Андрею Яковлеву». — РГАДА, ф. 6, оп. 180, ч. 1, д. 199, л.176об–177.

французском при содействии Вольтера в бытность кронпринцем буквально накануне восшествия на престол. Первое издание вышло сразу в нескольких вариантах в 1740 г., вскоре, в 1741 г., появился и немецкий перевод. В нашем случае речь идет о втором немецком издании 1742 г. В этих изданиях, как и во французском оригинале, для комментирования использовался перевод, сделанный с итальянского Абрахамом-Николя Амело де ля Уссэ — Р. Де Пол называет его самым удачным из французских переводов «Государя»¹⁸, которые читались во всей образованной Европе. Таким образом, изначально написанный на итальянском языке трактат в дошедшем до нас варианте был переведен на русский с немецкого перевода¹⁹, сделанного в свою очередь с французского, иначе говоря, из четвертых рук. Во всяком случае, он присутствует в книге, в отличие от цитированного выше печатного издания «Антимакиавелли» 1779 г. с посвящением Екатерине II, подготовленного Я. Хорошкевичем²⁰. В книге нет указаний на то, с какого издания сделан перевод, но рецензент «Санкт-Петербургского вестника» предположил, что в основе также лежит немецкий оригинал²¹.

Рукопись хранится в Русской секции Научного Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН, в фонде 36 (Воронцовых), оп. 1, № 807. Это переплетенная рукописная книга ин-фолио, состоящая из 200 листов, из которых заполнены 196. Судя по водяным знакам ярославской фабрики²², рукопись могла быть составлена не ранее 1756 г., а то и позднее — в начале 60-х годов XVIII в. Впрочем, поскольку многие детали указывают на то, что речь идет о копии, всё это не является решающим для датировки самого перевода. Что касается владельческой принадлежности, личности заказчика, библиотечных каталогов, то сведений о них почти нет. В огромном архиве Воронцовых, частично изданном в 40 томах в 1870—1895 гг. нередко упоминается Фридрих Великий, с которым сблизился в свое время (в 1745 г.) канцлер Елизаветы Петровны М. И. Воронцов. Возможно, Воронцов и был владельцем рукописи; о его интересе к «русскому Макиавелли», князю Д. М. Голицыну, упоминает Я. Штелин. Кстати, брат Михаила Илларионовича Иван Илларионович был женат на дочери А. П. Волынского, которой при Елизавете вернули книги опального отца. Так выстраивается своего рода цепочка от первого перевода «Государя» ко второму. В том же собрании Воронцовых в Архиве СПбИИ (№ 844) находится и другая «криминальная» рукопись — русский перевод «Парнаасских ведомостей» Т. Боккалини.

В тексте «Государя» много пропусков, бессмысленных искажений, даже разрывов слов — видимо, копиист больше заботился о каллиграфии и оформлении рукописи. Нельзя исключить и записи под диктовку. Но и переводчик был не очень грамотен, он часто не понимает немецких конструкций, других языков, видимо, не знал; итальянские названия копирует с немецких и искажает. Для исторического анализа интерес представляют прежде всего терминология и язык перевода, которые можно связать с контекстом исследований других переводов трактата Макиавелли.

В коллективной монографии под редакцией Р. Де Пола выделено несколько характерных мест, сведенных в таблицы по 22 переводам — в ней присутствует и немецкий перевод в гёттингенском издании. В частности, в гл. 12 «один дворянин из Романьи Альберико да Конио» (Alberico da Conio Romagnolo, нем. Albericus da Conio, ein

¹⁸ *De Pol R. Quale Machiavelli? Su alcune traduzioni del Principe.* — Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны. М., 2013, с. 113.

¹⁹ И.С. Шаркова предположила, что рассматриваемый нами перевод «Государя» мог быть сделан с французского или итальянского, но сличение с оригиналом опровергает эту гипотезу. См. *Шаркова И. С. «Анти-Макиавелли» Фридриха II и его русские переводы.* — Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979, с. 106—111, с. 110, прим. 39.

²⁰ Анти-Макиавель, или Опыт возражения...

²¹ Санкт-Петербургский вестник, содержащий все указы Ея Императорского Величества и правительствующаго Сената... 4. VII. СПб., декабрь—июнь 1781 г., с. 42.

²² См. *Клепиков С. А. Бумага Ярославской фабрики Затрапезновых (1728—1764 гг.).* — Советские архивы, 1971, № 6, с. 25—31.

Edelmann aus Romagna) переведено как «шляхтич»²³ из Ромагны, именуемой Алберик да Кония», в гл. 21 мессер Бернабо' да Милано как Барнабас, государь меиландский. В гл. 18 «Государя» есть двусмысленный пассаж о том, что правитель бывает вынужден действовать против веры (la fede, в оригинале имеется в виду верность данному слову, доверие); он иногда переводился неправильно, в значении религиозной веры (хотя в той же фразе имеется и такое значение — *contro a la religione*, «вопреки благочестию»), или вообще опускался. В рассматриваемой рукописи переводчик следует за немецким оригиналом: la fede объединяет оба варианта «нарушать верность и веру, и поступать против человеколюбия и закону», «милосердие» и «человечность» (Liebe, Menschlichkeit) сведены в «човеколюбие», а «благочестие», букв. «религия» переведено как «закон» (Treue und Glauben zu brechen, und der Liebe, der Menschlichkeit und Religion zuwider zu handeln).

В передаче важного термина «фортунa» или «судьба» переводчик также буквально следует за немецким вариантом: «щастие» (das Glück). Слова il principe, principato, lo stato, вызывавшие много проблем у комментаторов и переводчиков, переводятся одинаково — немецкие Fürstentümer и der Fürst он переводит как «государство» и «государь», не отличая от stato; в результате получается «Все государства и правления (Staaten und Herrschaften) имевшие или имеющие власть над людьми были или как ныне еще оныя есть республики (Republiken) или государства (Fürstentümer)» (гл. 1, л. 18об.).

Многим знаменитым правителям, начиная с XVI в. приписывалось знакомство с трудами Макиавелли и следование его советам. В России же Макиавелли, несмотря на его репутацию «наставника тиранов», привлекал внимание вольнодумцев и революционеров, во всяком случае им часто вменялось в вину чтение сочинений флорентийского секретаря. Достаточно упомянуть Пестеля и других декабристов, революционеров-демократов 60-х годов XIX в., Л. Б. Каменева в XX в. В первой половине XVIII в. почитателями Макиавелли выглядят также скорее не охранители, а сторонники ограничения самодержавия, такие, как пострадавшие за свои взгляды Д. М. Голицын и А. П. Волынский. Однако предположить, что рассматриваемый рукописный перевод «Антимакиавелли» был сделан для чтения текста «Государя» и ради его наличия, сложно уже потому, что он довольно небрежен. Трактат входит в состав другого текста, но ясно, что интерес к этой теме существовал, а читать, переводить и переписывать «Антимакиавелли» было явно безопаснее, чем переводить самого «Государя». Если гипотеза, что сохранившаяся рукопись является копией, верна, то должны были быть и другие экземпляры. Во всяком случае, здесь, очевидно, применимо предположение Р. Де Пола, что рукописные переводы «Государя» предназначались чаще для государей или людей причастных к правлению, т.е. не для широкого круга читателей²⁴. Сама по себе книга «Антимакиавелли» формально посвящена критике «Государя», но и в ней есть сомнительные с точки зрения ревнителей самодержавия пассажи, ведь, как мы видели, будучи еще кронпринцем, Фридрих позволял себе вполне республиканские высказывания.

Сам перевод любопытен с точки зрения языка XVIII в., истории переводов, культурного взаимодействия с Западом. Параллели с первыми переводами и публикациями «Государя» в других странах (в Германии, в Швеции — первая публикация 1757 г. также в составе «Антимакиавелли») указывают на наличие тесной связи России второй половины XVIII в. с западным культурным и литературным миром и некоторую общность происходивших в них процессов.

²³ Это, подобно и переводу слова «гражданин» как «мещанин», может указывать на вероятное происхождение переводчика из западных земель.

²⁴ *De Pol R. Op. cit.*, с. 122.